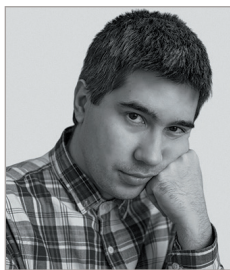

©2023 А.В. ПОЛИТОВ

ЧЕЛОВЕК И РЕКРЕАЦИОННАЯ ТОПОЛОГИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Политов Андрей Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет.

Российская Федерация, 614990 Пермь, Комсомольский проспект, д. 29.

ORCID: 0000-0003-4175-9040

erikhczeren@yandex.ru

Аннотация. Исследуются особенности влияния на становление и развитие пространственно-временной организации человеческой жизни существующих вокруг индивида и внешних ему топологических структур, характеризующих конкретно-историческую стадию развития отечественной культуры второй половины XX века. Методологией и теоретической основой выступает хронотопологическая концепция отечественных философов XX века — А.А. Ухтомского и М.М. Бахтина, утверждающая имманентную взаимосвязанность времени, пространства и всего сущего, в особенности человека, а также теория социального хронотопа и топологического философствования екатеринбургской социально-философской школы. Время и пространство человеческого существования понимаются в качестве хронотопологической структуры, включающей в себя систему пространственных (топологических) и связанных с ними временных (хрональных) практик (модусов), имманентной индивиду и развивающейся совместно с ним в течение всей его жизни. В качестве сформировавшейся в культуре пространственной структуры изучается рекреационная, или анклавная топология, представляющая собой

закрытое, ухоженное и обособленное от всего окружающего пространство, или место (локус), являющееся результатом осуществившихся человеческих топологических практик по обустройству и заботе о месте жительства, работы, отдыха, научных исследований, сбережения и демонстрации культурного наследия. Попадая в закрытое обустроенное пространство, кардинально отличающееся от окружающего необустроенного публичного пространства, человек начинает воспринимать его в качестве топологического эталона, перенося и воспроизводя его в собственной индивидуальной хронотопологии, в сфере своего личностного мира и микрохронотопе сознания. Если рекреационное пространство связано с личностно значимым событием в человеческой жизни, оно приобретает ценностно-этическое значение для индивида, становится для него экзистенциально наполненным.

Ключевые слова: хронотоп, хронотопология, время, пространство, локус, экзистенция, человек, культура.

Ссылка для цитирования: Политов А.В. Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века // Человек. 2023. Т. 34, № 2. С. 23–39. DOI: 10.31857/S023620070025529-8

Настоящее исследование обращается к процессу формирования и развития пространственно-временной (хронотопологической) организации человеческой жизни в условиях отечественной культуры второй половины прошедшего столетия. Каким образом окружающая человека внешняя *топология* (сформировавшиеся до появления индивида на свет материальное, социальное и культурное пространства, возникшие в результате осуществляющихся и осуществившихся топологических практик) и *хронология* (текущая культурно-историческая эпоха, взятая и как обобщение наличных практик временения, и как целокупность жизненных путей, судеб современников) того общего целого, которое именуется *миром* (*мирностью мира или мировым горизонтом*, в который вписан *жизненный мир личности*), влияет на становление и всю последующую эволюцию внутренней топологии и хронологии конкретного человека, на *индивидуальную хронотопологию*, обратную сторону родового целого *хронотопологии человека*? Каким образом внешняя топология и хронология влияют на становление внутренней индивидуальной топологии и хронологии отдельного индивида?

Составляющими индивидуальной хронотопологии выступают прежде всего *личностный мир* (обозначаемый в качестве *личностной хронотопологии*, представляющей собой индивидуально-ценностно освоенный окружающий мир, переработанный и принятый индивидом в качестве собственного жизненного мира — как

географическая местность, где родился человек, становится впоследствии малой родиной и домом) и внутренняя сфера сознания (понимаемая как *когнитивная хронотопология*, или *микрохронотоп* сознания). Под *хронотопом* (категория А.А. Ухтомского — М.М. Бахтина [Бахтин, 2012: 341–511; Ухтомский, 2002: 67–71]) в целом будем понимать целокупность, взаимосвязанность времени и пространства, в более широком смысле символизирующую собой взаимосвязанность всего сущего в целом, а в этическом смысле — ответственность человека перед Другим человеком, самим собой и мирозданием [там же: 113–150]. Теория хронотопа служит не только методологическим, но и концептуально-мировоззренческим, этико-эстетическим основанием исследования. Понятие хронотопа, оказавшееся очень востребованным в философско-антропологических и философско-культурологических исследованиях (например, в рамках самарской школы [Бурлина, Барабошина, Иливицкая, 2019: 27–45]), в настоящей работе расширяется до понятия пространственно-временной *структуры* сущего (*хронотопологии*), являющейся атрибутом и важнейшим способом его эволюции.

Время и пространство предстают как *временение* и *опространствление*, понимаются и как акциденции (хронотопологические формы, устойчивые пространственно-временные общности, присущие человеку), и как модусы (способы становления и развития, хрональные и топологические практики). Такие понятия, как *опространствление*, *топология*, *топологическая практика*, и методология их исследования заимствуются из работ по топологической философии С.А. Азаренко [Азаренко, 2019: 27–41], разработанной в рамках теории социального хронотопа екатеринбургской социально-философской школы. Понятия локуса, философии и феноменологии места, экзистенциального пространства (взаимосвязи пространства, места и экзистенции) взяты из основополагающих в данной области работ К. Норберг-Шульца [Norberg-Schulz, 1976: 3–10; 1980: 6–23] и сформировавшейся в связи с ними исследовательской традиции [Кияненко, 2008: 98–101; Habib, Sahhaf, 2012: 45–50; Невлютов, 2015].

Различие хронотопологических форм и модусов

Определим соотношение понятий формы и модуса хронотопологической структуры. *Формы* — эволюционно и функционально сложившиеся устойчивые общности, которые буквально составляют хронотопологию человека как ставшую и действующую

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

структуру. Выделим следующие хронотопологические формы: *имманентную* (материальное бытие человека), *личностную* (индивидуально-ценностно освоенный окружающий мир), *когнитивную* (микрохронотоп сознания), *социальную* (уже упоминавшийся социальный хронотоп) и *культурную* (культурная, историческая и цивилизационная общность). Если формы представляют собой статическую, ставшую сторону хронотопологии человека, то модусы представляют собой ее динамику, сторону становления.

Модусы — конкретно-исторически определенные (в родовом плане) и обладающие индивидуальными особенностями (в конкретной человеческой жизни) временные (хрональные) и пространственные (топологические) практики, *способы временения* (существования) и *опространствления* (размещения, расположения), развивающиеся в течение всей человеческой жизни, характеризующие и собственно составляющие каждый ее этап (к примеру, взросление, освоение личностью мира есть практическое действие модусов). Именно как хронотопологические модусы самого индивида, так и уже налично сложившиеся временные и пространственные практики фактически формируют хронотопологические формы. Вне действия хрональных и топологических модусов не может полноценно сложиться ни личностная, ни когнитивная, ни социальная, ни культурная хронотопология; исходно человеку даны только имманентные, материальные временение (физиологическое существование) и размещение. Весь жизненный путь, все периоды человеческой жизни предстают как *целостность развивающихся модусов временения и опространствления* и формирующихся уровней хронотопологической организации: личностного мира, микрохронотопа сознания, социального хронотопа, культурной хронотопологии.

Поскольку исследование базируется на реляционном (Аристотелевом), а не субстанциалистском (Ньютоновом) понимании времени и пространства [Черняков, 2001: 49–126], это означает не просто неразрывную акцидентальную связь их с сущим (и с человеком), но и то, что любая «внешняя» индивиду топология и хронология, имеющая отношение к сущему «человек», оказываются в действительности *исторически сложившимся результатом временений и опространствлений живших и живущих людей*, эволюционно сформировавшейся целостностью прошедших и текущих временных и топологических практик.

«Внешние» хронология и топология могут быть отчуждены от человека (в особенности в социальном хронотопе), экзистенциально оторваны от него, не приняты им (например, «эта страна» вместо «моей страны»), но в действительности вовсе не представляют собой субстанциалистский континуум, в который якобы

погружен человек и все сущее, а в конечном счете могут исходить и исходят только от самого человека. Экзистенциально непроторечивое доказательство реляционной сущности времени и пространства человека как сущего в том, что они синтезируются, творятся именно и только человеком: *за отчужденное, упущенное, зря потраченное время, за неустроенное, загаженное пространство человек должен в конечном счете спросить прежде всего самого себя, даже если он уже появился на свет и сформировался в сложившихся таким образом условиях.*

Поскольку и хрональные, и топологические модусы обладают диалектической природой и могут относиться и к индивидуальной (пространственно-временной структуре, присущей конкретному индивиду), и к родовой хронотопологии человека в целом, каждый из них есть не только уникальное самобытное явление отдельной человеческой жизни, но и конкретно-исторически сложившийся феномен культуры. Наличная материальная (природная) или сложившаяся социальная внешняя топология могут стать существенным формообразующим фактором для эволюции хронотопологической структуры конкретного человека и даже целых поколений. Рассмотрим, как уже сформировавшаяся к появлению отдельного индивида, внешняя ему топология, выступающая совокупностью реализовавшихся пространственных практик, оказывается формообразующим модусом становления и развития его личностной и когнитивной хронотопологии. Эмпирическим материалом философско-антропологического и философско-культурологического анализа выступит отечественная художественная культура второй половины XX века как наиболее доступное и непосредственное отображение и осмысление социальных, культурных и исторических процессов, характеризующих советское и российское общество указанного периода.

Феномен обособленного обустроенного пространства

Различим особое явление, присущее исторически сформировавшемуся целому отечественной культуры XX века, — *рекреационную (анклавную) топологию*, под которой будем понимать закрытое, замкнутое, отличающееся от остального своей благоустроенностью, ухоженностью, специфичностью пространство (топос) или место (локус). Поскольку речь идет о благоустроенном пространстве, оно представляет собой *ультратопологическое*, положительный феномен отечественной культуры, в отличие от *инфратопологии* заброшенных, неустроенных, разрушенных мест,

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

загаженных пространств. Примером рекреационного топоса выступают специфическим образом организованное и обустроенное музейное, архивное, выставочное, библиотечное пространства, памятные места, научные заведения, (вне системы образования, представляющей собой ареал публичного пространства), зимние сады, парки и т.п.

Сущность рекреационной топологии состоит в ее обособленности, отдельности, анклавности; это топология мест, сознательно выделяемых и обустраиваемых человеком. *Это самозамкнутое, самодостаточное пространство заботы, пространство, наполненное заботой.* Рекреационная топология представляет собой ареал специфических, топологически организованных практик озабоченности, обустройства, ухода, попечительства, собирания, коллекционирования, сохранения, сбережения, защиты. Рекреационный топос есть концентрат, явление человеческой заботы о пространстве и одновременно топологически организованной заботы *о самом себе и об обществе*: организуя пространство музея, института, галереи, человек со-организует, обустраивает, дисциплинирует самого себя, окружающих его современников, передает обустроенное пространство потомкам. Забота о пространстве как топологическая практика в конечном счете есть забота человека о самом себе, социуме, культуре; ухоженное закрытое пространство раскрывается как *метаморфизированный лик человека, топологически воплотившаяся забота о человеке.*

Запечатление рекреационной топологии у Н.Т. Федорова

Разберем влияние рекреационной топологии на личностную и когнитивную хронотопологию человека в отечественной культуре, для чего обратимся к наследию ныне малоизвестного советского писателя 70–80-х годов XX века Н.Т. Федорова. При поверхностном рассмотрении его произведения кажутся обычными бытовыми «школьными» повестями той поры, со вполне стандартными героями, но в действительности представляют собой настоящий кладезь фотографически точных, образных, достоверных и очень камерных, аккуратных описаний ленинградской действительности, быта и общественной жизни брежневского, послебрежневского и раннеперестроечного времени. Поскольку героями Н.Т. Федорова являются преимущественно подростки, чей личностный и когнитивный хронотоп еще находится в стадии формирования, активного освоения окружающего макрохронотопа, приобщения к современной им социальной и культурной хронотопологии, то

запечатленные писателем образы представляются подходящими для поставленной цели.

Одна из глав повести «Сказано — сделано» посвящена визиту героев в ленинградский Зоологический институт (скорее всего, имеется в виду реально существующее учреждение на Университетской набережной, 1). Уже с самого начала описания автором делается акцент на обособленности внутреннего пространства заведения от всего окружающего, не только уникальности, но *инаковости, внеположенности* топологии этого места как обыкновенному приватному пространству жилых домов, так и публичному пространству города, в которых герои провели всю свою жизнь. Попав в закрытый топос, они словно выпадают из внешнего ему мира, фактически открывая себе новую реальность: «Вестибюль Зоологического института встретил ... старинной мраморной прохладой, полумраком и тишиной. <...: За барьерами мирно дремали старушки-гардеробщицы. Впереди широкими каменными ступенями вздымалась лестница, ведущая к центру зоологической мысли. Возле лестницы за обычным канцелярским столом сидела пожилая седенькая женщина, по всей видимости дежурная. Она читала журнал “Техника – молодежи” и одновременно вязала» [Федоров, 1987: 55].

Тишина, спокойствие, неподвижность. Образ застывшего времени. Инаковость рекреационного топоса — не только в его ухоженности, благоустроенности по сравнению с внешним пространством, особенно публичным топосом социального хронотопа, но в существенной степени и в том, что в его пределах время фактически замирает, растворяется в камерном благоустроенном пространстве. Разумеется, временение как таковое никуда не исчезает, и человек, попавший в обособленный топос, остается временным, временноющимся существом; но особенность рекреационной топологии в том, что в ней время *метаморфизмуется* в пространство. Отсюда кажущаяся незыблемость, вневременность анклавной топологии, покой (либо крайне замедленное течение времени), не раз отмеченные Н.Т. Федоровым в его описании («старинной прохладой..., мирно дремали..., лифт старинный..., кабина очень медленно поползла вверх» [там же: 55–56]).

Схематизм перехода внешней топологии во внутреннюю

Инаковость, обособленность рекреационной топологии от всей окружающей — первое, что отмечается воспринимающим ее субъектом, и, следовательно, первое, что запечатлевается собственной

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

хронотопологией приобщившегося к ней человека. *Запечатленная восприятием внешняя топология переходит в топологию внутреннюю, в топологию личностного мира и сознания* — такова общая схема формирования индивидуальной хронотопологии, развивающейся в сложившемся целом внешнего макрохронотопа. Как в механизме восприятия вообще, при котором запечатлеваемое не буквально переносится «внутри» сознания воспринимающего субъекта (прямой, буквальный трансцензус в действительности невозможен), но именно *воспроизводится* синтетической способностью воображения и мышления [Железняк, 2015: 241–250], так и внутренняя топология личностного мира и сознания индивида начинает *воспроизводить, синтезировать* на уровне своих возможностей воспринятую внешнюю топологию.

Переход внешнего во внутреннее и воспроизведение его в личностной и когнитивной хронотопологии заключается не только в восприятии субъектом объекта, но и в обязательном *приятии, экзистенциальном принятии*, соглашении, одобрении воспринятого. Внутренний личностный и когнитивный топос перестраивается и переобустраивается сообразно полученному извне топологическому ориентиру, ставшему *эталонным*. Без положительной оценки, вне уступки внутренней топологии в пользу воспринятой внешней никакого перехода и воспроизведения последней в индивидуальной хронотопологии невозможно. Один из героев писателя С.Б. Ласкина, попав в необычно обустроенную квартиру (переделанную под домашний гимнастический зал со снарядами для упражнений), резко контрастировавшую с обычным домашним бытом 70–80-х годов и фактически также представляющую собой пример рекреационного топоса, отдельного, существующего в-себе самодостаточного пространства, заявляет (далее курсив в цитировании везде наш): «У нас дома только буфет, шкафы, столы, стулья. Входить *противно*» [Ласкин, 1988: 56]. Разумеется, может иметь место и отторжение рекреационной топологии в зависимости от особенностей личностной и когнитивной хронотопологии воспринимающего.

Схема формирующего действия внешней топологии по отношению к внутренней такова: восприятие — неосознанное приятие — запечатление — осознанное принятие — синтез индивидуальной хронотопологии на полученной новой основе. Каким образом может быть зафиксирован переход внешней топологии во внутреннюю, что сигнализирует о нем? У Н.Т. Федорова начальное впечатление, которое получает индивид, впервые приобщившийся к рекреационной топологии, описывается как поразжение, удивление, робость, что есть результат *нездешности* анклавного топоса по сравнению с повседневно окружающим

человека пространством. Герои повествования, «как и все в мире новые посетители учреждения, робко дошли до середины вестибюля..., *растерянно* посмотрели по сторонам... *Необычайно* чистое, светлое зеркало... с *поразительной* достоверностью отражало несколько взволнованные лица... героев. <...> Саша *аккуратно* закрыл створки, ... Коля *благоговейно* нажал на кнопку [лифта]. <...> Отыскав нужный кабинет, друзья постучали и *робко* вошли» [Федоров, 1987: 55–56]. Чувства, испытываемые человеком, попавшим в ухоженный локус-анклав, есть, конечно, лишь внешнее выражение перехода рекреационной топологии во внутреннюю; в действительности удивление и робость означают неосознанное, а впоследствии сознательное принятие и согласие человека на переоценку и переустройство своей индивидуальной топологии по мерке воспринятого топологического идеала.

Итак, получившее высокую оценку запечатленное внешнее начинает затем воспроизводиться, синтезироваться внутренней, индивидуальной топологией — в личностном и психическом мире человека. А поскольку личностный хронотоп есть индивидуально-ценностно освоенный окружающий мир (например, пространство дома, обустроенное человеком *под себя*), за переоценкой и переустройством внутреннего непременно последует вторичная, обратная переоценка и переустройство повседневного внешнего пространства, как приватного, так и публичного, попытка приближения его к идеалу рекреационной топологии. Преобразовывается не только топология, но и хронология, время: за *переоценкой и переустройством пространства приходит идея сбережения и заботы о времени, метаморфизированного в вещах, пространстве, месте рождения, жительства, работы, значимых событий*. Д.А. Гранин в книге «Ленинградский каталог», посвященной памяти человека о жизни и быте прошлого, по сути посвященной хронотопу детского мира, сохранению и сбережению прошлого в настоящем, приводит пример старого коллекционера, мечтавшего весь город превратить в музейное пространство: квартира коллекционера была «набита воспоминаниями. [Он] собирает их и хранит в виде старых вещей, которые... добывает по разработанной им системе. <...> “Не выбрасывайте, не уничтожайте старое, — твердит он. — Старое не значит ненужное... бессмысленное, лишнее”» [Гранин, 1986: 105].

В итоге воспринятое исходно внешнее становится *своим собственным*, близким, внутренним и в дальнейшем воспроизводится на протяжении всей жизни индивида. И если буквальное повторение воспринятого во всем окружающем пространстве невозможно, как в случае с рекреационной топологией, остающейся в конечном счете уделом отдельных мест, тем не менее

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

личностная и когнитивная топология получают отныне топологический эталон — фактически идеально ухоженное, благоустроенное, наполненное заботой и *смыслом* пространство, в соотношении с которым приватное и публичное пространства дома и социума получают необратимую переоценку. Наконец, анклавная топология выполняет и *восстановительную, буквально рекреационную* функцию в отечественной культуре: будучи обособленным пространством, позволяет отвлечься, отдохнуть от необустроенности, отчужденности, шума и хаоса публичного пространства социального хронотопа: «Хорошо Трушкину... <...> Перетерпел школу, домой добрался — и сиди себе, лепи солдатиков» [Веселов, 1998: 78].

Футурология и рекреационная топология: пространство будущего

Если в рекреационном топосе, раскрытом Н.Т. Федоровым, время словно застыло или крайне замедлено, то в отечественной культуре можно наблюдать и иной его полюс. В благоустроенности, ухоженности замкнутых мест, локусов-анклавов время может не замедляться, а наоборот, резко ускоряться по сравнению с пространством повседневности, что может быть достигнуто в первую очередь за счет технической оснащенности, технообустроенности рекреации. Пример тому в отечественной культуре — гостиница «Дубки» Е.С. Велтистова: «Профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся. <...> — “Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов”. <...> Все чудесно, настроение отличное... Над деревьями прострекотал маленький вертолет — воздушное такси» [Велтистов, 1994: 4–5].

Футурологически насыщенное пространство гостиницы со сверхсовременными техникой, обслуживанием и исключительной, хай-тековской заботой о природе (благоустроенные парки, сады, разбитые на крышах) превращает ее в нечто среднее между научно-исследовательским институтом и санаторием. Санаторное пространство совмещается с научным, сегодняшний день — с завтрашним, еще не наступившим в повседневном пространстве социального и культурного хронотопа; текущее же, «обычное» время как бы вытесняется за пределы локуса-анклава во внешнее окружающее пространство. Проза Е.С. Велтистова 1980-х годов проникнута духом технократизма и космизма в специфическом

сочетании с советской культурой в целом; прекрасной иллюстрацией этого синтеза являются композиции Э.Н. Артемьева, советский *sparse rock*, созданный с помощью творений инженерной мысли, синтезаторов АНС и Синти-100. В действительности прогрессистский пафос прозы Е.С. Велтистова мировоззренчески продиктован отечественным научно-технологическим движением 80-х годов, характеризовавшимся особым сплавом технологизма, космизма и футурологии [Стерледев, 2004: 253–296].

Таким образом, футурологически заряженная рекреационная топология сообщает личностной и когнитивной хронотопологии приобщившегося к ней индивида образ не только будущего времени (по типу «время — вперед»), но и пространства будущего, технократического топоса, отличного и, скорее всего, прямо противоположного окружающей привычной топологии повседневности. Образ пространства будущего видоизменяет внутреннюю топологию человека таким образом, что теперь она сама стремится не только к внутренней модернизации (рационализации сознания, просвещению, образованию, расширению кругозора — топологическому освоению и экспансии неосвоенных семантических и духовных областей), но и к облагораживанию и рационализации пространства окружающей жизни, исходя из полученного футуро-топологического ориентира.

Экзистенциально наполненное пространство у В.И. Амлинского: личностно-этическое измерение рекреационной топологии

Значение локуса-анклава заключается не только в том, что он сообщает личностной и когнитивной хронотопологии человека эталон ухоженного, наполненного человеческой заботой и покоем пространства, образ прошедше-застывшего или? наоборот, футуристического времени, заставляя тем самым иначе структурироваться внутреннюю личностную и когнитивную топологию индивида и иначе, чем ранее, ценить и оценивать окружающее пространство и время. Рекреационная топология может нести *экзистенциальный смысл* для личности. Под *экзистенцией* (die Existenz) будем понимать подлинное человеческое существование (буквально — *экзистирование*), характеризующееся неотчужденностью, уникальностью, неповторяемостью, единичностью, конечностью, несущее в себе свободный самобытный смысл существования человека [Ясперс, 2013: 194–202] и противостоящее обыденности наличного бытия, сфере *das Dasein*, в свою очередь характеризующейся неподлинностью, отчужденностью и бессмысленностью.

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

Для понимания напряжения между *die Existenz* и *das Dasein* вспомним отчужденное и неблагоустроенное публичное пространство социального хронотопа, неуютность и неустроенность которого имеют не только материально-бытовой, но и *экзистенциальный разрез*; последнее передано Т.В. Поляковой: «Квартира, в которой я до сих пор живу, располагается в новом районе, в девятиэтажке. Десять подъездов, огромный захламленный двор, всюду бродячие собаки и неприкаянные дети. <...> Я ненавижу свой дом, свой район и квартиру тоже ненавижу. <...> Многоэтажки, серые, унылые... Квартира смотрела волком, я ее не любила, и она меня тоже» [Полякова, 1998: 7–12].

Для подробного анализа экзистенциального измерения рекреационной топологии обратимся к творчеству В.И. Амлинского. Необходимо сказать, что он, пожалуй, один из наиболее *тонко чувствующих экзистенцию* отечественных прозаиков, скрупулезно точно передающий экзистенциальные переживания человека. Переживание и описание экзистенциального прорыва или падения у писателя настолько подлинны, выверены и достоверны, что можно назвать его произведения внефилософским экзистенциализмом. В двух центральных, мастерски написанных романах В.И. Амлинского (писателем, как правило, выводится соотношение отец — отец/сам автор — сын/внук, в котором диалектика отца и сына удваивается) «Нескучный сад» [Амлинский, 1982] и «Оправдан будет каждый час» [Амлинский, 1986] встречаем чисто топологический и одновременно насквозь проникнутый экзистенциальным смыслом образ *библиотеки/кабинета отца*.

Это пример рекреационной топологии в миниатюре: замкнутое, закрытое пространство комнаты, совмещающей в себе рабочий кабинет и библиотеку, топос ухоженный, тщательно обставленный и продуманный, но ключевое в нем теперь не его обособленность, отличность от окружающего пространства, но *экзистенциальная смыслонаполненность*, которой человек либо вовсе не находит в других локусах, либо они прямо противоположны, враждебны ему, ибо не только не имеют в себе экзистенции, но направлены против нее — как социальный хронотоп. Библиотека отца у В.И. Амлинского — *топос, наполненный экзистенцией*: «В комнате, когда-то очень большой и с каждым приходом становившейся все меньше и меньше, стояли позабытые и вместе с тем... знакомые книги... Он уходит в комнату, ту, что была его, называлась кабинет, в которую сын влетал иногда с радостью... а иногда входил с робостью, когда видел — отец работает. <...> Когда-то это было свято. <...> А теперь эта комната, чей потолок, казалось, потемнел от его дыхания, не вызывала ни горечи, ни боли» [Амлинский, 1982: 182, 293–294].

В чем может быть *святость* пространства закрытой комнаты? Как комната, обычное, казалось бы, «помещение», «топологический объект», может вызывать или не вызывать боль и горечь? Ответ только в том, что в ней *хранится экзистенция*, в том, что ее пространство стало *одним целым с экзистенцией*. Отсюда — необходимость тщательной охраны, сбережения этого анклавного пространства, а в нем — сбережение, сохранение *экзистенции*, неизбежно уходящей, обреченной на временность, конечность: «Уже то, что он сидит за рукописью и на столе разбросаны тоненькие брошюры, оттиски научных статей — это прекрасная, лучшая картина, какую можно было увидеть. <...> Идущий прямо еще зоркий, хорошо выбритый старик, затем старичок, уползающий в бездонную тьму подъезда... где глохнут и стираются постепенно медленные шаги» [Амлинский, 1982: 174, 203].

В этом экзистенциальном образе уход отца проиллюстрирован публичной топологией подъезда — брошенного, неухоженного, экзистенциально пустого пространства, означающего отсутствие, уход личностной смыслонаполненности. В итоге рекреационный топос отцовской библиотеки В.И. Амлинского навсегда входит в личностную и когнитивную хронотопологию героя (самого автора), становится индивидуально-ценностно пережитым, принятым и освоенным. Пожалуй, впервые можем отметить *фактическое* отождествление внешней рекреационной и внутренней индивидуальной топологии: библиотека отца *буквально* становится частью личностного хронотопа автора. И обратно: смысловая, экзистенциальная наполненность, возникшая благодаря и в рекреационной топологии, вытесняется, стирается, гасится топологией общественной, отчужденным, ничейным, пустым и материально, и семантически пространством подъезда. Топологическое диалектически соотносится не только с хрональным, но и с личным, и с общественным, и с экзистенциальным, и с наличным бытием повседневности.

Подведем итоги исследования.

1. *Человек — существо хронотопологическое*: даже исходный, имманентный уровень его существования представляет собой единство материального временения (буквально физиологического существования) и материального размещения (нахождения в определенном географическом локусе). Все остальные формы человеческого существования, такие как личностная, когнитивная, социальная, культурная, также обнаруживают свою пространственно-временную организованность, свои хронотопологические корреляты.

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

2. Помимо перечисленных *форм* пространственно-временной структуры, человеческому существованию присущи и *способы/модусы опространствления и временения*, сопровождающие и развивающиеся на протяжении всей человеческой жизни, более того, *являющиеся способами развития человека в целом*, ибо без времени и пространства человек не есть как сущее.
3. Если хронотопологическая структура, ее уровни и модусы, формируются и развиваются с самого начала и на протяжении всей жизни индивида, то *сами основы* хрональных и топологических практик, присущих индивиду, и, следовательно, особенности его индивидуальной хронотопологии и ее форм *закладываются тем имманентным, социальным, культурным макрохронотопом, в котором появился на свет и начал свое становление человек.*
4. Наличные условия, в которых находится индивидуальная хронотопология, представляют собой *исторически сформировавшуюся совокупность способов временения и опространствления всех живших и живущих в данном локусе людей.* Именно это макрохронотопическое целое первоначально воспринимает человек в качестве окружно сложившейся внешней хронологии и топологии.
5. Одной из такой обнаруживаемой во внешнем хронотопологической структуры выступает рекреационная топология — обустроенное обособленное камерное пространство, *сообщающее индивидуальной хронотопологии эталон ухоженного пространства, образец воплотившейся человеческой заботы о пространстве, приобщающая индивида к новой для него топологической практике заботы.*
6. Под воздействием впечатления от обустроенного рекреационного локуса у человека возникает *новое ценностное отношение, фактическая переоценка повседневно окружающего его пространства* сообразно воспринятому топологическому идеалу, которая может повлечь и последующее переустройство частного и публичного пространств, к которым принадлежит индивид.
7. Поскольку время и пространство представляют собой диалектически связанный комплекс, становление и развитие топологии влечет за собой изменение и переоценку временных практик. Обустроенное пространство рекреации открывается как *метаморфизированное временение* (застывшее прошлое музея, форсированное будущее технопарка).
8. Связанный с личностно значимыми событиями и переживаниями локус обнаруживает *семантическую, аксиологическую*

и этическую нагруженность пространства (и метаморфизированного в нем времени). Рекреационный топос раскрывается как хранилище экзистенции — как неотъемлемая часть личностного хронотопа человека.

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века

Human Being and Recreational Topology in Russian culture of Second Half of the Twentieth Century

Andrei V. Politov

PhD in Philosophy, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy and Law.

Perm National Research Polytechnic University.

29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-4175-9040

erikhczeren@yandex.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of influence on the formation and development of the spatiotemporal organization of human being of topological structures which are around the individual and external to him and characterizing the concrete historical stage of the development of the Russian culture of the second half of the twentieth century. The methodology and theoretical basis is the chronotopological concept by A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin, asserting the immanent interconnectedness of time, space and human, as well as the theory of social chronotope and topological philosophizing. Time and space of human being are understood as a chronotopological structure, which includes a system of topological and related temporal practices, immanent to the individual and developing together with him throughout his life. As a spatial structure that has been formed in culture, recreational, or enclave topology is studied, which is a closed, well-groomed and isolated from the surrounding space or locus, which is the result of realized human topological practices for the arrangement and care of space or place of residence, work, recreation, scientific research, conservation and demonstration of cultural heritage. Getting into such a closed equipped space, radically different from the surrounding alienated unsettled public space, a person begins to perceive it as a topological standard, consciously or unconsciously transferring and reproducing it in his own individual chronotopology, in the sphere of his personal world and microchronotope of consciousness. If the recreational space is associated with a personally significant event in human life, it acquires the ethical significance for the individual, becomes existentially filled for him, acquires unity with his existence.

Keywords: chronotope, chronotopology, time, space, locus, existence, human, culture

For citation: Politov A.V. Human being and recreational topology in Russian culture of second half of the twentieth century // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 2. P. 23–39. DOI: 10.31857/S023620070025529-8

Литература/References

- Азаренко С.А. Социально-топологическая методология и топологемы культурного бытия // Музыка в системе культуры: научный вестник Уральской консерватории. 2019. № 16. С. 27–41.
- Azarenko S.A. Sotsial'no-topologicheskaya metodologiya i topologemy kul'turnogo bytiya [Sociotopological methodology and topologems of cultural being]. *Muzyka v sisteme kul'tury: nauchnyi vestnik Ural'skoi konservatorii*. 2019. N 16. P. 27–41.
- Амлинский В.И. Московские страницы. М.: Московский рабочий, 1982.
- Amlinskii V.I. *Moskovskie stranitsy* [Moscow pages]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1982.
- Амлинский В.И. Оправдан будет каждый час. М.: Московский рабочий, 1986.
- Amlinskii V.I. *Opravdan budet kazhdyi chas* [Will be acquitted every hour]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1986.
- Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012.
- Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenii. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collected works. Vol. 3. Theory of the novel (1930–1961)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012.
- Бурлина Е.Я., Барабошина Н.В., Иливицкая Л.Г. Выход в город и хронотопия: история, повседневность, будущее // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 27–45.
- Burlina E.Ya., Baraboshina N.V., Ilivitskaya L.G. Vыход v gorod i khronotopiya: istoriya, povsednevnost', budushchee [Exit to the city and chronotopia: history, everyday life, the future]. *Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62, N 11. P. 27–45.
- Велтистов Е.С. Приключения Электроника. Пермь: Урал-Пресс, 1994.
- Veltistov E.S. *Priklyucheniya Elektronika* [Adventures of Electronic]. Perm: Ural-Press Publ., 1994.
- Веселов С.А. Мой папа – киллер. М.: Эксмо-Пресс, 1998.
- Veselov S.A. *Moi papa – killer* [My dad is a killer]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 1998.
- Гранин Д.А. Ленинградский каталог. Л.: Детская литература, 1986.
- Granin D.A. *Leningradskii catalog* [Leningrad catalog]. Leningrad: Detskaya literatura Publ., 1986.
- Железняк В.Н. Мышление и воля. Принцип тождества мышления и воли в классическом рационализме и его историческая эволюция. Пермь: ПНИПУ, 2015.
- Zheleznyak V.N. *Myshlenie i volya. Printsip tozhdestva myshleniya i voli v klassicheskom ratsionalizme i ego istoricheskaya evolyutsiya* [Thinking and will. The principle of the identity of thought and will in classical rationalism and its historical evolution]. Perm: PNRPU Publ., 2015.
- Кияненко К.В. О феномене, структуре и духе места у К. Норберга-Шульца // Архитектурный вестник. 2008. № 3. С. 98–101.

- Kiyanenکو K.V. O fenomene, strukture i dukhe mesta u K. Norberg-Skul'tsa [On the phenomenon, structure and spirit of place in K. Norberg-Schulz works]. *Arkhitelturnyi vestnik*. 2008. N 3. P. 98–101.
- Ласкин С.Б. Саня Дырочкин – человек общественный. Л.: Детская литература, 1988.
- Laskin S.B. *Sanya Dyrochkin – chelovek obshchestvennyi* [Sanya Dyrochkin – the public person]. Leningrad: Detskaya literatura Publ., 1988.
- Невлютов М.Р. Феноменологические концепции современной теории архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2015. № 3(32). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskie-kontseptsii-sovremennoy-teorii-arhitektury> (дата обращения: 25.01.2022).
- Nevlyutov M.R. Fenomenologicheskie kontseptsii sovremennoi teorii arkhitektury [Phenomenological concepts of modern theory of architecture]. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2015. N 3(32). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskie-kontseptsii-sovremennoy-teorii-arhitektury> (date of access: 25.01.2022).
- Полякова Т.В. Черта с два! // Полякова Т.В. Сестрички не промах. М.: Эксмо-Пресс, 1998.
- Polyakova T.V. Cherta s dva! [Hell no!]. Polyakova T.V. *Sestrichki ne promakh* [Sisters don't miss]. Moscow: Eksmo-Press Publ., 1998.
- Стерледев Р.К. Эзотерический антропокосмизм: философский анализ. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004.
- Sterledev R.K. *Ezotericheskii antropokosmizm: filosofskii analiz* [Esoteric anthropocosmism: philosophical analysis]. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2004.
- Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
- Ukhtomskii A.A. *Dominanta* [Dominant]. St.-Petersburg: Piter Publ., 2002.
- Федоров Н.Т. Сказано – сделано. Л.: Детская литература, 1987.
- Fedorov N.T. *Skazano – sdelano* [No sooner said than done]. Leningrad: Detskaya literatura Publ., 1987.
- Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая философско-религиозная школа, 2001.
- Chernyakov A.G. *Ontologiya vremeni. Bytie i vremya v filosofii Aristotelya, Gusserlya i Khaideggera* [Ontology of time. Being and Time in the philosophy of Aristotle, Husserl and Heidegger]. St.-Petersburg: Higher Philosophical and Religious School Publ., 2001.
- Ясперс К. Разум и экзистенция. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2013.
- Jaspers K. *Razum i ekzistentsiya* [Reason and existence]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2013.
- Habib F., Sahhaf S. Christian Norberg-Schulz and the Existential Space. *International Journal of Architecture and Urban Development*. 2012. Vol. 1, N 3. P. 45–50.
- Norberg-Schulz C. The phenomenon of place. *Architectural Association Quarterly* 8. 1976. N 4. P. 3–10.
- Norberg-Schulz C. *Genius Loci. Towards a phenomenology of architecture*. New York: Rizzoli, 1980.

А.В. Политов
Человек и рекреационная топология в отечественной культуре второй половины XX века